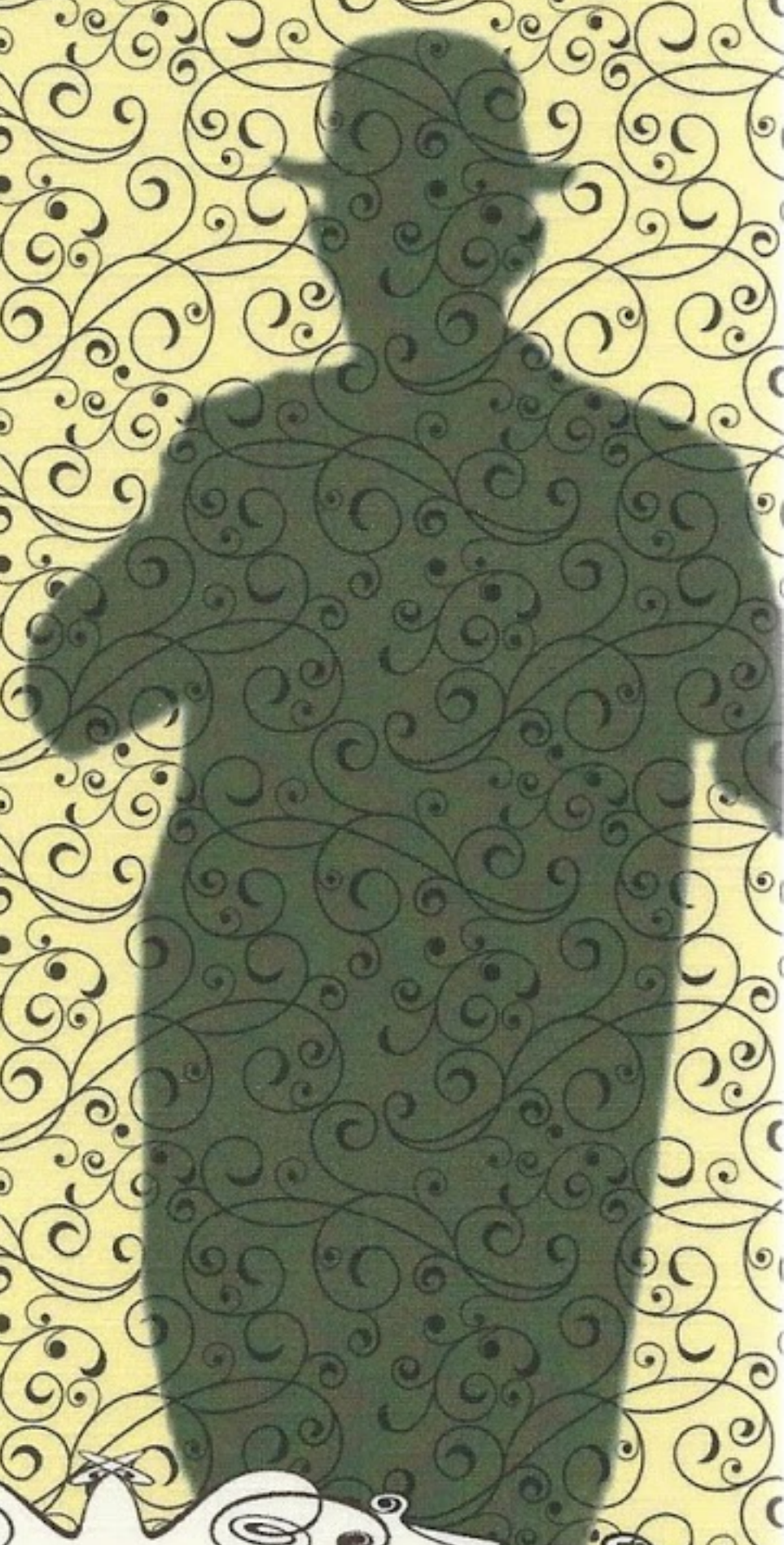

СЕРИЯ
ДЕДУШКИ

Артур Моррисон
Сыщик Мартин Хьюитт

ARTHUR MORRISON

MARTIN HEWITT, INVESTIGATOR

1894

АРТУР МОРРИСОН

СЫЩИК МАРТИН ХЬЮИТТ

Издательство ИП Кузнецов Г.Е.

Тимашевск

2019

deductionseries.blogspot.ru

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М80

Серия «Дедукция»

Arthur Morrison

Martin Hewitt, Investigator

*Перевод с английского
Светланы Хачатурян*

Моррисон, Артур.

М80 Мартин Хьюитт, сыщик : [сборник] / А.Моррисон; Тимашевск, Издательство ИП Кузнецов Г.Е. – 2019. – 224 с. – (Дедукция)

Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией сборника рассказов «Мартин Хьюитт, сыщик», написанного одним из членов-основателей лондонского детектив-клуба.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Перевод. С.Хачатурян, 2017
© Оформление. А.Кузнецов, 2015

От редакции

Спасибо всем кто помог нам выпустить эту книжку. В нашей серии это уже тринадцатая книжка, а если считать только книги членов детективного клуба – четвертая. Мы хотим познакомить читателя с как можно большим числом писателей из этого коллектива, (но и про остальных детективщиков не забываем). И только лишь энтузиазма для этого мало, так что спасибо за поддержку.

Аудитория читателей электронных книг огромна, и мы рассчитываем, что среди них найдутся читатели, которым не жалко поддержать переводческое дело. Очевидно, что толпы читателей не кинутся нам на помощь, но миллионы нам и не нужны - чтобы подстегнуть нас хватит и нескольких десятков благодарных читателей, которые поддержат нас рублем (долларом, евро, да хоть японской иеной), а заодно и помогут определиться с тем, над какими проектами работать в первую очередь.

Если кто желает в этом поучаствовать — загляните в блог нашей серии deductionseries.blogspot.ru и нашу группу Вконтакте - vk.com/deductionseries

Содержание:

- Артур Моррисон. Кража в Лентон-Крофте (рассказ)
- Артур Моррисон. Исчезновение Сэмми Крокетта (рассказ)
- Артур Моррисон. Случай мистера Фогатта (рассказ)
- Артур Моррисон. Случай торпеды Диксона (рассказ)
- Артур Моррисон. Дело камня Квинтонов (рассказ)
- Артур Моррисон. Тайна камеи Стэнгуэя (рассказ)
- Артур Моррисон. Черепашее дело (рассказ)

Артур Моррисон

Случай мистера Фогатта

Единственный догматизм, который Мартин Хьюитт позволял себе в отношении к своим профессиональным методам, был связан с понятием «накопительных вероятностей». Часто, когда я намекал на очевидно тривиальную природу улик, которых он придерживался в своих расследованиях, Мартин отвечал, что две тривиальности, указывающие в одном направлении, уже становились (если не противоречили друг другу) вовсе не тривиальностями, а уже очень важными деталями.

– Если бы мне нужно было найти человека, – говорил он, – о котором известно только то, что он косой, хромой, а на правой руке у него родимое пятно, то искать по одному лишь первому признаку было бы тривиально, ведь в мире множество косоглазых людей. А вот если этот человек двинулся и обнажил родимое пятно на правой руке, то поисковая ценность его косоглазия и этого пятна моментально возрастает в тысячу раз. По отдельности эти признаки практически ничего не значат. А вот вместе они составляют целую картину. Значимость улики не просто удваивается – удвоилась бы она только в том случае, если бы половина всех косых людей носили родимое пятно на правой руке. Но на самом деле, если бы можно было посчитать, думаю, соотношение таких людей составляет примерно один к десяти тысячам. Две тривиальности, указывающие в одном направлении, становятся очень веским основанием для некоторых выводов. А если нам удалось увидеть, как этот косой человек с родимым пятном ещё и хромает (ещё одна тривиальность), то можно уже быть практически уверенным в том, что это именно тот, кто нам нужен. Бертильонаж – что это, если не совокупность тривиальностей? Тысячи людей в мире одного роста, тысячи людей с одним размером ноги, тысячи с одинаковым диаметром черепа – тысячи совпадений в любом отдельном измерении, которое вы только можете себе представить. Но лишь замеры, соединенные *вместе*, могут раз и навсегда идентифицировать человека. Просто подумайте, как мало (если такие вообще есть) среди ваших друзей тех, у кого в точности совпадают хотя бы две антропологические особенности.

И эта догма Хьюитта в живую продемонстрировала себя неожиданно близко от нашего дома.

В старом здании, где находились мои комнаты и офис Хьюитта, были ещё две-три холостяцкие «берлоги» вдобавок к офисам на цокольном, первом и втором этажах. На самом верхнем этаже в задней части дома тучный мужчина среднего возраста по имени Фогатт занимал четыре комнаты. Я долго жил там и совершенно не знал имени этого человека (и узнал совершенно случайно по какому-то пустяковому замечанию нашей ключницы), потому как у его двери не было никакой таблички, и его имя не висело вместе с остальными на крыльце.

У мистера Фогатта было совсем мало друзей, но жил он в таких роскошных условиях, которые только может позволить себе старый холостяк. По общей лестнице вверх то и дело отправлялся ящик шампанского, и я лично не раз видел, как почтальон нес вверх такие картины, которые заставили бы позеленеть от зависти сердце бедного журналиста.

Сам мужчина не очень-то располагал к себе. Он был невероятно толст и имел привычку постоянно наклонять голову вперед на своей широкой шее. Мир мистер Фогатт лицезрел через пару наикруглейших глаз, каких мне не приходилось встречать ни у одного живого существа, кроме, разве что, рыб. В целом выглядел он почти вульгарно, весьма высокомерно и подозрительно и не выделялся ни одним человеческим качеством. Правда, кроме одного – он был действительно некрасив. В конце концов его нашли застреленным в собственной гостиной.

А произошло это вот как.

Мы с Хьюиттом вместе обедали в моем клубе, а поздно вечером вернулись ко мне домой покурить и поговорить о насущном. В тот день я совершил сделку с двумя спекулянтами на книжной распродаже – в каждой книжке был спрятан приз. Мы сидели, обсуждали и осматривали книги, не замечая времени, как вдруг внезапно до наших ушей донесся громкий хлопок. Мы

прислушались, но далее никаких звуков не последовало, и Хьюитт выразил мнение, что только что произошел выстрел. Стрельба – нечастое происшествие в жилых домах, поэтому я тут же вышел на лестничную клетку и осмотрелся.

На верхнем пролете лестницы стояла миссис Клайтон, наша ключница. Она была очень напугана и сказала мне, что звук донесся из комнаты мистера Фогатта. Миссис Клайтон подумала, что произошел какой-то несчастный случай, потому что пистолет мистера Фогатта обычно лежит у него на каминной полке. Мы поднялись вверх вместе с ней и постучались в комнату к нашему неприятному соседу.

Нам никто не ответил. Через вентиляционную фрамугу над дверью было видно свет – знак того, подтвердила миссис Клайтон, что мистер Фогатт дома. Мы постучали еще раз и намного громче, но в ответ все так же была тишина. Дверь была заперта, и миссис Клайтон не смогла ее открыть. Это ясно говорило о том, что хозяин оставил ключи в замке с той стороны двери. Миссис Клайтон неустанно приговаривала, что «что-то случилось», так что в конце концов это стало просто невыносимо, и Хьюитт отпер дверь кочергой.

И что-то *действительно* случилось. В гостиной над столом, совершенно бездвижный, склонился мистер Фогатт. На его голову было страшно смотреть, а рядом на столе лежал большой револьвер армейского образца. Миссис Клайтон с жалобным писком выбежала на лестничную клетку.

– Быстро, Бретт! – сказал мне Хьюитт, – доктора и полицейского!

Я стрелой спустился по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек за раз.

– Первым делом – доктор, – подумал я. Может быть, он еще и не умер. На ум мне не приходило ни одного врача из округа, поэтому я просто продолжал бежать по улице, идущей от Стрэнд, – в том направлении намного больше вероятность встретить доктора, а вот с полицейскими все совсем наоборот. Пять минут у меня ушло на поиск врача (он оказался в частном отеле) и еще пять на возвращение за полицейским.

Вне всяких сомнений Фогатт был мертв. Вероятно, он застрелился, заключил доктор – на то указывали следы пороха и еще некоторые другие обстоятельства. Естественно, выйти из той квартиры через дверь никто не мог, ведь любому бы пришлось пройти через мою лестничную клетку. К тому же дверь была заперта изнутри, а в замке остался ключ, – и это сделало такой уход постороннего просто невозможным. В комнате было два окна, оба заперты: одно на заглушку, а второе просто закрыто – замок сломался от старости. Эти окна находились в пятидесяти футах над землей, и на фасаде дома не было ни единого выступа, за который можно было бы зацепиться. Окна в других комнатах были заперты наглухо. Конечно, сначала нам показалось, что это самоубийство, – если не один из тех несчастных случаев, которые обыкновенно происходят с людьми, не осторожно обращающимися с огнестрельным оружием. Совсем скоро на место прибыла полиция, и мы ушли.

Мы заглянули к ключнице в кухню, где ее дочь пыталась успокоить миссис Клайтон джином и водой.

– Вы должны держаться, миссис Клайтон, – сказал Хьюитт, – иначе что же со всеми нами станет? Доктор думает, что это был несчастный случай.

Тут он вытащил маленькую бутылочку масла для смазки швейной машинки и передал ее девочке, сопровождая этот жест словами благодарности.

* * * * *

На расследовании было мало свидетельских показаний. Прогремел выстрел, найдено тело – вот в сухом остатке и все, что удалось выяснить. Никто из друзей или родственников погибшего не объявился. Доктор сделал заключение, что это либо суицид, либо несчастный случай; полиция склонилась к тому же. В доме не было найдено ничего, что могло бы указать на присутствие постороннего человека в момент убийства. С другой стороны, его бумаги, банковская книжка и тому подобное ясно показывали, что он был вполне вменяемым человеком и целостной личностью без какой-либо видимой причины для самоубийства. Полиции не удалось найти родственников да и вообще кого-либо ближе обычных знакомых или членов одного клуба. Жюри постановили, что смерть мистера Фогатта была несчастным случаем.

– Итак, Бретт, – спросил меня Хьюитт после расследования, – что вы думаете насчет вердикта? Я сказал, что это был самый рациональный из возможных и не противоречащих здравому смыслу.

– Да, – ответил он, – возможно. С точки зрения жюри и с учетом информации, которой они обладали, их вердикт вполне разумен. Однако мистер Фогатт не убивал себя. Его застрелил очень живой, высокий молодой человек, – вероятно, моряк и точно гимнаст – молодой человек, которого, думаю, я узнал бы с первого взгляда.

– Но как?

– Простейшие умозаключения, до которых вы и сами с легкостью дойдете, если немножко подумаете.

– Но тогда почему вы не сказали об этом на расследовании?

– Мой милый друг, на расследовании им не нужны никакие умозаключения и догадки. Они принимают лишь факты. Если бы я выследил убийцу, то, естественно, связался бы с полицией. На самом деле, вполне вероятно, что полицейские заметили в доме не меньше моего – а может быть даже и больше. Они обычно не выворачивают все на расследовании, знаете ли. Это не профессионально.

– Но если вы действительно правы, то как убийце удалось сбежать?

– Пойдемте, мы уже рядом с домом. Давайте обойдем его и внимательно посмотрим, что же сзади. Как нам известно, он *не мог* выйти через главную дверь Фогатта. Но раз уж он там *был* (в этом я абсолютно уверен), а вариант с дымоходом тоже сразу отбрасываем – когда мы пришли, в камине горел огонь, – остается только один путь из квартиры: через окно. И только через одно конкретное окно со сломанным замком, так как все остальные были заперты изнутри на щеколды. Итак, он сбежал через то окно.

– Но как? Оттуда до земли пятьдесят футов.

– Конечно. Но почему вы *упрямо* настаиваете на том, что единственный выход из окна идет вниз? Идемте сюда, смотрите. Окно находится на самом последнем этаже, и у него очень широкий подоконник. Над окном нет ничего, кроме плоского фронтона, но вот чуть правее, в двух футах от верхнего края окна лежит водосточный желоб. Заметьте, это не обычный свинцовый водосток, а твердый железный желоб, закреплённый железной скобой. Если высокий человек встанет на край подоконника, поддержит себя левой рукой и наклонится вправо, он как раз достанет правой рукой до этого желоба. Для этого нужно быть всего-то семь футов и три дюйма от мыска до кончиков пальцев вытянутой руки. Я все измерил. Активный гимнаст или пловец с легкостью смог бы зацепиться за край желоба какой-нибудь пружиной и с ее помощью подняться на крышу. Вы наверняка скажете, что этот человек должен быть *чрезвычайно* активен, ловок и хладнокровен. И будете правы. И именно этот факт нам поможет, потому что он сужает круг поиска. Теперь мы знаем, какой человек нам нужен. Потому что, будучи уверенным, что он находился в комнате, я *знаю*, что сбежал он именно так, как я вам описываю. Ему нужно было как-то уйти, а поскольку все остальные пути ему непостижимы, остается только один – сложный, но оттого не менее вероятный. Тот факт, что этот человек закрыл за собой окно, доказывает, что он был хладнокровен и прекрасно осведомлен о высоте здания.

Все это практически очевидно, но самое главное все еще остается загадкой.

– Вы говорите, что *знаете*, что в комнате был еще один человек, – сказал я. – Но откуда?

– Как я уже говорил: очевидное умозаключение. Пойдемте со мной, и вы сами увидите, как я к нему пришел. Вы часто говорите о своем интересе к моей работе и внимательности, с которой за ней наблюдаете. Так что это не должно отнять у вас много времени. Всю комнату вы видели точно так же, как и я. Перенеситесь мыслями обратно и вспомните, какие мелкие предметы были разбросаны вокруг, и как они могут повлиять на это дело. Быстрое изучение сцены действий – вот первая важная часть любого расследования. К примеру, заметили ли вы газету?

– Да. На полу лежала вечерняя газета, но я ее не рассматривал.

– Что-нибудь еще?

– На столе стоял графин виски, снятый с танталовой полки в серванте, и так же один стакан. А это, кстати, – добавил я, – выглядело так, будто в комнатах все же находился только один человек.

– Возможно, но это не самый сильный вывод. Продолжайте!

– На полке стояла ваза с фруктами, а рядом тарелка со скорлупой от орехов, огрыском яблока, орехокол и, кажется, апельсиновая кожура. Комната была заставлена обычной мебелью, правда у стола не было ни одного стула, кроме того, в котором сидел сам Фогатт. Думаю, это все, что мне удалось заметить. Погодите – на столе еще стояла пепельница, а рядом лежала недокуренная сигара – правда, только одна.

– Превосходно, и вправду превосходно, как далеко могут зайти память и простая наблюдательность. Вы увидели и запомнили все в точности, как оно было. И *теперь*, конечно же, прекрасно понимаете, как я узнал, что другой человек только что покинул это место?

– Нет, я не понимаю. Если, конечно, в пепельнице не лежал какой-то необычный пепел.

– Справедливое предположение, но нет – там было совсем немного пепла, – ровно столько, сколько возможно было стряхнуть с той недокуренной сигары. Вы хорошо помните все мои действия, когда мы спустились вниз?

– Кажется, вы вернули бутылку масла дочери ключницы.

– Да. Вы не видите в этом никакой подсказки? Ну же, теперь-то вы догадались?

– Нет.

– Тогда я вам не скажу. Вы этого не заслужили. Думайте и ни единого слова на эту тему до тех пор, пока не сообразите хоть одно предположение. Все у вас прямо перед носом. Вы смотрите на это, вы помните это, но *никак не можете* это увидеть. Не стану поощрять кашу в вашей голове, дорогой друг, рассказывая вещи, которые вы и сами прекрасно знаете. До встречи – сейчас мне нужно идти. У меня на руках дело, которое нельзя откладывать.

– Получается, вы не собираетесь дальше разбираться с Фогаттом?

Хьюитт пожал плечами:

– Я не полицейский. Это дело в надежных руках. Конечно, если кто-то обратится ко мне с этим вопросом как с заказом, я за него возьмусь. Этот случай весьма интересен, но ради него я не могу бросать свою работу. Я держу ухо востро и ничего не забываю. Иногда такие дела разрешаются сами. В этом случае я, как примерный гражданин, готов помочь закону. *Au revoir*.

* * * * *

Я сам занятой человек и не мог себе позволить долго возиться с головоломкой Хьюитта. Но когда я на нее отвлекался, в голову не приходило совершенно никакого ответа. Через неделю после допроса я взял отпуск (по ночам я регулярно записывал свои заметки на протяжении последних пяти лет). В итоге за целых шесть недель мне ни разу не довелось встретиться с Хьюиттом. По возвращении (до конца отпуска оставалось еще несколько дней) мы встретились с ним в «Лузатти», вниз по Ковентри-стрит, за обедом.

– В последнее время я часто тут бываю, – сказал Хьюитт. – Очень уж хорошо у них кормят. О нет, только не за тот столик, – он взял меня под руку, когда я повернулся к свободному уголку. – Думается мне, там сильно сквозит.

Он отвел меня к столу побольше, за которым сидел высокий и стройный смуглый молодой человек.

Не успели мы присесть, как Хьюитт с новым знакомым уже пустился в оживленную беседу о езде на велосипеде. Это очень меня удивило, поскольку наш резко оборвавшийся разговор был совершенно не о том, и я точно знал, что Хьюитт никогда ни капли не интересовался велосипедами. Однако я кое-что знал об этом – мимоходом встречались материалы во время работы, – поэтому у меня получилось поддержать эту необычную тему. Постепенно лицо молодого человека озарилось неподдельным интересом. Юноша был весьма ладным, с темной, но очень чистой кожей, однако тяжелый и злой взгляд, выступающие скулы и квадратная челюсть создавали не самое приятное впечатление. Но со временем наш сосед по столу преобразился, и на его лице светилось выражение учтивого интереса.

– Конечно, – сказал Хьюитт, – у нас есть несколько превосходных спортсменов, но я думаю, что все дело в забытых велосипедистах пяти, десяти и пятнадцати лет назад. Осмонд, по моему мнению, дал бы фору любому из наших современников, и так же сомневаюсь, что многие из них одолели бы Фёрниуолла на пике его карьеры. Но бедный старина Кортис – о, он был одним из

лучших. Никто никогда не побеждал Кортиса, кроме – ох, как же его, – кто-то же однажды его обогнал, но вот кто? Не могу вспомнить.

– Лайс, – сказал молодой человек, метнув взгляд наверх.

– Ах, точно – Лайс. Чарли Лайс. Это же был чемпионат?

– Майльский чемпионат 1880. Однако Кортис выиграл в остальных трех.

– Да, именно так. Я видел его, когда он побил предыдущий рекорд на 2,46 милях. И тут же Хьюитт с головой нырнул в разговор о двух- и трехколесных велосипедах, рекордах, велосипедистах, Хиллиере, Снере и Ноэле Уайтинге, Тейлерсоне и Эплярде. Молодой человек с увлечением подхватывал каждую тему, а я сидел в тени незнания.

Как оказалось, наш новый друг сам был видным велосипедистом несколько лет назад и по просьбе Хьюитта продемонстрировал нам свою аккуратную золотую медаль, которую носил с собой на цепочке от часов. Он рассказал, что выиграл ее в старые добрые времена, когда гоночные трассы были плохими, и каждый велосипедист носил на лице россыпь шрамов, остававшихся от бесчисленного количества самых разнообразных происшествий во время езды. Он показал нам голубую отметину у себя на лбу и сказал, что это как раз один из гоночных шрамов, оставшийся после неудачного падения, которое стоило ему двух зубов и сломало оставшиеся. В его улыбке действительно было два заметных пробела.

Официант принес десерт, и наш молодой сосед взял себе яблоко. Орехокол и нож для фруктов лежали с нашей стороны стола, и Хьюитт повернулся и предложил юноше нож.

– Нет, спасибо, – сказал он. – Хорошее яблоко я всегда только протираю, никогда не срезаю с него шкурку. Большая ошибка чистить яблоки, если они, конечно, не какие-нибудь заморские с толстой кожурой.

И он принялся жевать яблоко так, как его могут жевать только мальчишка или здоровый атлет. Понадкусывав свой десерт, молодой человек обернулся, чтобы заказать себе кофе. Официант не услышал, так что велосипедисту пришлось позвать его еще раз. К моему дикому изумлению Хьюитт молнией потянулся через стол, схватил недоеденное яблоко с тарелки молодого человека и положил его к себе в карман, тут же с невинным видом устремив свой взгляд в потолок на нарисованного Купидона.

Наш новый знакомый снова повернулся к нам, растерянно посмотрел на свою тарелку и вокруг нее, а затем метнул пронзительный взгляд в сторону Хьюитта. Однако он ничего не сказал, в один глоток расправился со своим кофе, не спуская глаз с Хьюитта, а затем оплатил счет и поспешно удалился.

Хьюитт сразу же встал и, взяв стоявший рядом с ним зонт, последовал за ним. Уже у двери он вновь столкнулся с неожиданно возвратившимся юношей.

– Полагаю, это ваш зонт? – спросил Хьюитт, протягивая находку.

– Да, благодарю.

Но глаза молодого человека вновь приобрели былую злость и тяжесть, а скулы его сводило от напряжения сжатой челюсти. Он повернулся и вышел. Хьюитт тем временем вернулся ко мне.

– Оплатите счет, – сказал он, – и возвращайтесь домой. Я приду к вам чуть позже. Мне нужно проследить за этим человеком – это связано с делом Фогатта.

Как только он вышел, с улицы донесся звук отъезжающего кэба, а сразу следом за ним – еще одного.

Я оплатил счет и пошел домой. Хьюитт объявился только к десяти часам, прежде зайдя в свой офис прямо под моими комнатами.

– Мистер Сидни Мейсон, – сказал он, – этого джентльмена завтра будет искать полиция, так как он причастен к убийству Фогатта. Очень сообразителен: дважды обвел меня за сегодняшний вечер.

– Вы говорите о человеке, с которым мы сидели вместе в «Лузатти»?

– Да. Его имя я увидел, естественно, на обороте золотой медали, которую он нам с вами любезно продемонстрировал. Но боюсь, что с адресом он меня провел. Очевидно, он подозревал меня с самого начала. Наш приятель специально оставил зонт – решил проверить, достаточно ли внимательно я за ним наблюдал, чтобы заметить такую мелочь, и чтобы точно удостовериться, собираюсь ли я его преследовать. Меня охватила суета, и я попался в эту ловушку. Он взял кэб у «Лузатти», и я отправился за ним. Признаюсь, этот молодец погонял меня сегодня туда-сюда по

Лондону, и наши кэбмены неплохо подзаработали. В конце концов он все же приехал по адресу, который написал на бумажке, но думается мне, что он там не живет. Слишком умен, чтобы вести меня к себе домой. Но полиции определенно удастся что-то разузнать о нашем велосипедисте по тому адресу – полагаю, он практически сразу же вышел оттуда через черный ход. Кстати, вы ведь так и не догадались, как я узнал, что именно этот человек *убийца*, правда? Но теперь-то вам, я надеюсь, все понятно?

– Полагаю, это как-то связано с яблоком, которое вы украли из его тарелки?

– Как-то связано? Думаю да, мой наивный приятель. Просто позвоните в колокольчик – мы снова одолжим смазку для швейной машинки у миссис Клайтон. В тот вечер, когда мы ворвались в комнаты Фогатта, вы увидели скорлупу от орехов и огрызок яблока на столе, и даже смогли это вспомнить. И все же вы так и не разглядели в нем потенциально важную улику. Конечно, я и не ожидал, что вы сможете прийти к выводу, как и я, потому что прежде чем что-либо предпринять, я целых десять минут изучал это яблоко. Но по крайней мере вы должны были увидеть в нем вероятную улику.

Итак, первое – тот огрызок был белым. Надкушенное яблоко, как вы наверняка не раз замечали, через некоторое время приобретает коричневый цвет. Разные сорта яблок окисляются с разной скоростью, но гниение всегда начинается из центра. Это одна из тысяч мелких деталей, которые совсем не многие удосуживаются замечать, но которые, как правило, оказываются очень полезными в моей профессии. Темное яблоко буреет достаточно быстро. Яблоко на том столе, насколько могу судить, было сорта спартан или что-то в этом духе. Такие яблоки начинают темнеть через двадцать-тридцать минут, а полностью место укуса покрывается коричневым цветом через четверть часа или позже. Когда мы зашли в комнату, сердцевина огрызка едва-едва была окаймлена коричневой полоской. Вывод: кто-то ел это яблоко пятнадцать или двадцать минут назад, может чуть позже. Этот вывод так же подтверждается тем фактом, что оно было не доедено.

Я решил рассмотреть это яблоко и заметил, что следы от укуса были оставлены человеком с неровными зубами. Пока вы отходили, я полил яблоко маслом и пулей помчался в свой офис, где у меня всегда наготове немного гипса на такой случай, – так что я снял слепок с того места, где остались самые заметные следы. Затем я вернул фрукт на место, если вдруг им заинтересуется полиция. Судя по получившемуся слепку, у человека, евшего это яблоко недоставало двух зубов – верхнего и нижнего. Остальные же зубы, на взгляд неплохие, все равно были все разными по форме и размеру. Но убитый, как я узнал, носил великолепные вставные зубы – правильные и острые, все тридцать два на своих местах. Так что сразу стало очевидно, что кто-то *другой* ел то яблоко. Я понятно изъясняюсь?

– Вполне. Продолжайте!

– Были еще и другие основания для этого умозаключения, и все они указывали в одном направлении. К примеру, человек в возрасте Фогатта, как правило, не ест яблоки вместе с кожурой, как делают это мальчишки. Вывод: это след от зубов молодого и здорового человека. Почему я решил, что он был высоким и активным гимнастом или, возможно, пловцом, вы уже знаете. Так же было совершенно очевидно, что мотивом убийства было не ограбление, так как ничего в комнатах не было потревожено, и некоторые детали прямо указывали на то, что преступлению предшествовала дружелюбная беседа: виски на столе, поедание фруктов. Заметила ли все это полиция, я сказать не могу. Если они привлекли к этому делу своих лучших людей, то думаю, что да. Но для нетренированного глаза вся сцена выглядела как несчастный случай или самоубийство, так что, вполне возможно, на том они и порешили.

Как я уже говорил, после допроса у меня не было свободного времени, чтобы посвятить его расследованию этого дела, но я обещал быть начеку. Нам нужен был высокий сильный молодой и активный человек с неровными зубами, а еще без нижнего и верхнего передних зубов с левой стороны челюсти. Мне показалось, что я где-то уже встречал такого (у меня хорошая память на лица), но, конечно, это вполне могло быть не так.

Перед самым вашим приездом из отпуска, я заметил в «Лузатти» одного молодого человека, которого определенно уже видел в одном из офисов нашего дома. Он был высок, молод и так далее, но со мной в тот момент был клиент, так что у меня не было никакой возможности изучить юношу получше. На самом деле мне это было не очень-то и интересно, к тому же поблизости

маячило несколько высоких молодых людей, так что я даже не стал обращать на это особого внимания. Но сегодня, снова застав того же молодого человека в одиночестве за столиком, я решил не терять возможности познакомиться поближе.

– Вам определенно удалось его разговорить.

– О да. В целом мире нет никого сговорчивее велосипедиста. Проще всего вывести на разговор новичка, но еще охотнее с тобой побеседует только ветеран. Когда вам на глаза попадается здоровый человек в хорошей физической форме, но немного сутулый, а если он еще и носит медаль на своей цепочке от часов, то всегда можно попробовать заговорить с ним о велогонках. Совсем скоро мне удалось размягчить мистера Мейсона, прочесть его имя на медали и изучить его зубы – на самом деле он сам о них заговорил. Итак, как я буквально только что узнал, в округе есть несколько высоких атлетичных молодых людей с недостающими зубами. Но именно этот высокий атлетичный молодой человек потерял ровно *два* зуба: один из нижней челюсти и один из верхней, и оба с левой стороны! Тривиальности, указывающие в одном направлении, становятся веским основанием для некоторых выводов. Более того, все его зубы оказались неправильной формы и, насколько я помню, выглядели очень похожими на тот слепок, который я снял с яблока из комнаты мистера Фогатта.

С этими совами Хьюитт вытащил из кармана кусок гипса неправильной формы примерно в три дюйма длиной. С одной стороны проступал рельеф из двух рядов по шесть и восемь зубов, в каждом из которых отчетливо виднелся «пробел» на месте недостающих, о чем мне столько рассказывал мой приятель. Тем временем детектив продолжил:

– Этого было достаточно, чтобы перенести мои подозрения именно на этого молодого человека. И тут он сам предоставил мне великолепнейший шанс, о каком только можно мечтать: обернулся, оставив свое надкушенное яблоко без присмотра (которое, – помните! – было не чищенное – еще одна важная тривиальность). Боюсь, я поступил не очень вежливо и взял на себя риск вызвать у него подозрения, но я никак не мог сопротивляться жгучему желанию украсть это яблоко. Вы и сами все видели, и вот оно сейчас перед вами.

Хьюитт достал надкушенное яблоко из кармана своего пальто. Наложение слепка показало абсолютную идентичность укуса: «пробелы» в зубах идеально заполнились застывшим гипсом.

– Тут уж ничего не попишешь, – сказал детектив. – Просто рассмотреть зубы человека не достаточно, а вот это – это как будто бы его подпись или отпечаток пальца. Вы никогда не найдете двух людей с одинаковым *прикусом*, не важно, остаются на еде отличительные отметины или нет. А вот, кстати, и масло миссис Клайтон. С этого яблока мы снимем второй слепок и сравним *оба*.

Он полил яблоко маслом, наклеил на место укуса небольшой кусочек гипса, завернутый в газету, взял мой кувшин с водой, и тут же снял затвердевший слепок. Части, где кусочки яблока просто отломились, конечно, было не различить, но вот видимые следы от зубов оказались абсолютно идентичными.

– Вот и славно, – сказал Хьюитт. – Завтра утром, Бретт, я сложу эти два слепка в маленькую коробочку и отнесу их на Боу-стрит.

– Но разве это достаточная улика?

– Вполне, для целей полиции. Есть человек и все с ним связанное (что он делал в этот день и так далее) – это вопрос расследования. В любом случае, это уже дело полицейских.

* * * * *

Только лишь я сел за свой завтрак следующим утром, как в комнату вошел Хьюитт и положил передо мной длинное письмо.

– От нашего друга, – сказал он, – прочтите.

Письмо начиналось очень резко, без даты:

Мартину Хьюитту, эсквайру.

*Сэр, Не могу не подметить, как ловко вам сегодня удалось выманить у меня собственное имя. Мой настоящий адрес Вы наверняка уже отыскали в **ежегодном юридическом справочнике**, ведь на самом деле я признанный юрист. Однако Вам вряд ли это что-то даст, потому как я удаляюсь туда, куда, думаю, даже Ваш талант ищейки не способен добраться. Я*

хорошо знал, как Вы выглядите, и, вероятно, допустил ошибку, так сильно раскрывшись перед Вами. И все же в тот момент я и подумать не мог, что это может представлять хоть какую-то опасность, особенно после того, как на допросе Вам практически нечего было сказать. То, что Вы так бесцеремонно стащили мое яблоко прямо с тарелки, сперва меня просто поразило (поначалу я действительно засомневался, действительно ли Вы его взяли), но это был первый звоночек о том, что, возможно, Вы что-то против меня затеваете, таким уж необъяснимым мне показалось Ваше поведение. Потом я вспомнил: вместо того, чтобы выпить предложенный теперь уже мертвым негодяем виски, я взял и почему-то решил съесть именно яблоко. Из этого я сделал вывод, что Вашими намерениями, скорее всего, было сравнить два яблока – хотя я ни в коем случае не берусь постигать глубины Вашей детективной системы. Но все же я наслышан о Ваших громких делах и очень восхищен рвением, которое Вы демонстрируете в своем деле. Я сам считаюсь очень скрупулезным и энергичным мастером, и хотя сегодня мне удалось до какой-то степени сдержаться в руках, признаюсь, Ваша проницательность в этом деле выходит за границы моего понимания.

Я не знаю ни того, кто нанял Вас поймать меня, ни насколько тесно Вы можете быть ознакомлены с моей связью с тем существом, которого я убил. Однако я достаточно Вас уважаю, чтобы не желать оставаться в Ваших глазах злобным преступником, и чтобы предложить Вам объяснение: убедить Вас в том, что эта мелочь в общем смысле вообще не является сутью дела. Да, у меня скоропалительный и жестокий характер. Но до сих пор я не могу забыть то преступление, которое меня к этому привело – потому как, строго говоря, это было действительно преступление. Ведь именно Фогатт выставил моего отца преступником перед всеми и с позором убил его. Это он убил мою мать – она скончалась от горя вскоре после смерти папы. То, что он был вором, лжецом и лицемером, меня уже не столько беспокоило.

Я плохо помню своего отца. Боюсь, он был слабым и неспособным человеком. У него не было никаких задатков бизнесмена: он мало что понимал в сложных предпринимательских делах, с которыми, тем не менее, постоянно работал. Фогатт был виртуозным мастером всех этих финансовых спекуляций, которые приносят немыслимое количество денег и забирают не меньше на рекламу, фонды и акции. Но он не мог больше их практиковать из-за одной финансовой катастрофы, в которую впутался двумя годами ранее, и которая опорочила его имя в тех кругах. В сложившихся обстоятельствах он создал что-то вроде неофициального партнерства с моим отцом, который, под видом индивидуального предпринимателя, действовал под руководством Фогатта, мало понимая, что он делает, как какой-то мальчишка. Транзакции постепенно укрупнялись, но, к сожалению, становились все более серыми. Мой отец полагался на руководительские способности Фогатта с полным доверием, каждый день выполняя его поручения: покупки, продажи, печать проспекта эмиссий, подпись всего, что нужно было подписать, – и все это с взятием на себя полной ответственности, пока Фогатт, стоя за всем этим, был поглощен увеличением своей прибыли. В общем, мой несчастный и дурноватый отец был всего лишь инструментом в руках коварного негодяя, который дергал все ниточки своего бизнеса, сам оставаясь невидимым и не ответственным. В конце концов три компании, за продвижение которых был ответственен мой отец, обанкротились одна за другой. Слово «жульничество» красной нитью проходило по всем их структурам, и пока Фогатт почивал на разграбленном добре, мой отец остался один на один с разрухой, позором и лишением свободы. От начала и до конца ответственность за все нес он и только он. Не было ни единого доказательства, которое указывало бы на причастность Фогатта к этому делу, и ни одной соломинки, которая смогла бы выпутать отца из этой паутины. Три года он провел в тюрьме, а затем, полностью брошенный человеком, который столько времени без зазрения совести им пользовался, умер – не от какой-то болезни, а от позора и разбитого сердца.

В то время я ничего об этом не знал. Я часто вспоминаю, как мальчишкой беспрестанно спрашивал маму, почему у нас в доме нет отца, как у других ребят, совершенно не осознавая, как сильно каждый раз ранил ее сердце этими словами. Мое самое раннее, равно как и самое последнее воспоминание о ней: бледная, умывающаяся слезами женщина, которая не спускает с меня глаз.

Постепенно я узнал настоящую причину маминого горя, потому что у нее не было никого ближе меня. Боюсь, мой характер развился достаточно рано, потому как моим первым осознанным воспоминанием обо всем этом было ребяческое намерение взять кухонный нож и убить плохого дядю, который оставил моего папу умирать в тюрьме, после чего мама очень сильно расплакалась.

Единственное, чего я не знал, – имя этого плохого дяди. Я рос и продолжал выпытывать его у матери, но она всегда отвечала, что не скажет, потому что это возмездие лежит не в моих руках.

Мама умерла, когда мне было семнадцать. Я уверен, что она смогла прожить столько лет лишь из-за привязанности ко мне и из огромного желания вырастить меня. Вскоре я узнал, что за все эти годы она как-то умудрилась скопить небольшую сумму денег – достаточную, как оказалось позднее, для того, чтобы оплатить обучение моей профессии, которую я успешно освоил благодаря щедрым старым отцовским наставникам, которые кормили меня и заботились обо мне с невероятной добротой.

Большую часть последующих лет мне никак не доводилось соприкасаться с этим делом. Я был юристом-клерком у своего благодетеля, а затем стал квалифицированным специалистом среди их помощников. И все окружающие меня люди как один твердо и осторожно следовали последнему желанию моей бедной матушки – ни за что не раскрывать мне имя и место жительства человека, который разрушил ее жизнь и жизнь моего отца. Впервые я столкнулся с ним в клубе Клифтон – был там по приглашению своего знакомого. И я совсем не сразу понял его странное замешательство от этой встречи. Неделей позже я наведлся в дом, где расположен ваш офис (частенько туда захожу), по делу к адвокату, который держит контору прямо над вами. На лестнице я чуть не врезался в мистера Фогатта. Он очень удивился и резко побледнел, показывая признаки тревоги, которые я никак не мог понять, а затем спросил, искал ли я его.

– Нет, – ответил я, – я и не знал что вы здесь живете. Сейчас я здесь по делу. С вами все в порядке?

Он с большим сомнением в глазах посмотрел на меня и ответил, что ему не очень хорошо.

После этого я пересекался с ним еще два-три раза, и при каждой последующей встрече он становился все более дружелюбен, услужлив, лстив, – но все это в плохом смысле слова, – пренебрежительная черта в любом, но особенно в человеке, который годится тебе в отцы. Но я, конечно же, обращался с ним хорошо. Однажды Фогатт пригласил меня к себе домой, чтобы показать одну хорошую картину, которую он совсем недавно приобрел. Когда мы пришли, он взял с каминной полки большой револьвер и произнес:

– Видите ли, я хорошо подготовлен к любым непрошеным гостям в моей уютной берлоге! Хе! Хе!

Я, естественно, подумал, что он имеет в виду грабителей, но все же про себя очень удивился причине его выдавленного, пустого смеха. Когда мы уже спускались по лестнице, он сказал:

– Думаю, теперь мы с вами достаточно хорошо знакомы, мистер Мейсон? И если я могу сделать что-то для вас, как для профессионала, то почту за честь. Мне прекрасно знакомы трудности начинающего специалиста, хе! хе! – снова этот вымученный смех; говорил Фогатт очень нервно. – Я думаю, что, если вы зайдете ко мне завтра вечером, у меня найдется для вас интересное предложение. Что вы на это скажете?

Я согласился из любопытства. В конце концов, возможно этот эксцентричный старый джентльмен был хорошим парнем и действительно хотел сделать для меня доброе дело, а его застенчивость и неуклюжесть были лишь от огромного желания растопить лед между нами. Я не был богат на хороших друзей, чтобы добровольно откаиваться от еще одного. Он мог действительно быть заинтересован в моем будущем.

Поэтому я пришел к нему и был принят с таким радушием, которое даже тогда казалось немного преувеличенным. Мы сидели и долго говорили о том о сем, и я уже начал задаваться вопросом, собирается ли мистер Фогатт переходить к тому, ради чего я пришел. Несколько раз он предложил мне выпить и закурить, но долгое время в спорте привило мне отвращение к обоим этим занятиям, поэтому я вежливо отказывался. И вот, наконец, он перешел к

разговору обо мне. Он боялся, что мои профессиональные перспективы в этой стране не велики, но слышал, что в некоторых колониях – к примеру, в Южной Африке, – у молодых юристов сказочные возможности для развития.

– Если бы вы захотели поехать туда, – сказал Фогатт, – без сомнения, при небольшом капитале... такой умный человек, как вы, очень скоро собрал бы огромное количество бесценного опыта. Или же вы можете купить акции у какого-нибудь хорошего предприятия. Я с радостью дам вам пятьсот фунтов или даже немного больше, если это вас не устроит, и...

Я стоял как громом пораженный. Зачем понадобилось этому практически чужому человеку предлагать мне пятьсот фунтов или даже больше, «если меня это не устроит»? Какие у меня вообще могли быть претензии? Предложение было очень щедрым, но об этом даже речи быть не могло. Я всё-таки джентльмен, и у меня есть джентльменское самоуважение. Но Фогатт все продолжал продавливать эту тему. Вдруг он резко замолчал, а с его губ слетела фраза, поразившая меня, будто пощёчина.

– Не хочу, чтобы у вас было предвзятое ко мне отношение из-за прошлого, – сказал он. – Боюсь, ваша покойная – ваша незабвенная покойная матушка – питала ко мне недостойные подозрения... Но так было лучше для всех, ваш отец всегда очень ценил...

Тут я резко встал со стула и выпрямился во весь рост. Этот пресмыкающийся гад, выдавливающий жалкие слова из своих сухих уст, оказался тем самым вором, который подставил моего отца и заставил обоих моих родителей безвременно и жалко покинуть этот мир! Теперь все встало на свои места. Это низкое существо испугалось меня, даже не представляя, что до этого я и понятия не имел, кто он такой. Он хотел от меня откупиться! Заплатить мне за память об отце и разбитое сердце матери жалких пятьсот фунтов! Пятьсот фунтов за то, что он заставлял моего отца красть за него! Я не сказал ни слова. Но память обо всех маминых страданиях и дикое чувство обиды за самого себя взяли надо мной верх, и я превратился в тигра. Даже тогда я поистине верил, что лишь одно слово сожаления, крошечная толика искреннего раскаяния спасли бы его. Но он лишь потупил глаза в пол и все мурчал про «недостойные подозрения» и «предвзятое отношение». Я дал ему пострадать. Через несколько минут он поднял на меня глаза и откинулся в кресле от ужаса. Я стащил пистолет с каминной полки и, приставив его к голове несчастного, выстрелил.

Я до сих пор удивляюсь, как мне удалось сохранить спокойствие и холодную голову. Я взял свою шляпу и направился к двери. Но тут на лестнице послышались голоса. Дверь была заперта изнутри, и я ее так и оставил. Я пошёл обратно и тихо открыл окно. Подо мной была невообразимая высота, а сверху – отвесная стена. Но чуть в стороне я заметил уклон и кусочек желоба водосточной трубы, прочно зафиксированный железной скобкой. Это был единственный выход. Я вылез на подоконник и осторожно закрыл за собой окно, потому что услышал, как кто-то уже стучится во входную дверь. Стоя на краю подоконника и придерживаясь одной рукой, я напряг все силы и выпрямился, как мог, и наконец достав до края желоба, подтянулся и залез на крышку. Я прошелся по нескольким крышам, прежде чем нашел лестницу, по которой можно было бы спуститься, – она стояла прямо у дома под реставрацией. Спуститься было не так уж сложно, даже несмотря на доски, прибитые к передней части лестницы, так что вскоре я уже снова был на земле.

Я посвятил некоторое время вопросу о том, что делать, когда у Вас появятся первые догадки о моей причастности к этому преступлению (потому как я уверен, что единственной живой душой, кроме меня, кто смог бы узнать во мне виновника этой смерти, могли быть именно Вы). Сколько из моего рассказа Вы уже знали, я сказать не могу. Я неправ, жесток и гнусен, – без сомнения, – но я намерен раскрывать факты, как они есть на самом деле. Конечно, Вы смотрите на это дело со своей точки зрения, а я со своей. И я помню свою мать!

Надеюсь, что Вы поймете и простите странного маньяка – преступника, если так будет угодно, – который все честно раскрыл охотнику за его головой. Ваш покорный слуга,

Сидни Мейсон.

Я прочел это невероятное письмо и вернул его Хьюитту.

– Это вас как-то задело? – спросил Хьюитт.

– Мейсон кажется человеком очень незаурядным, – сказал я. – Ну уж точно не дураком. И если его история правдива, то смерть Фогатта не такая уж большая потеря для мира.

– Именно так, – если история правда. Лично я склонен верить в то, что это действительно так.

– Откуда пришло это письмо?

– Его не присылали почтой. Оно лежало сегодня в моем почтовом ящике вместе с остальными, в чистом конверте без печати и марки. Должно быть, Мейсон сам его принес ночью. Бумага турецкая, – продолжил Хьюитт, подняв письмо на свет. Конверт белый, стандартная форма, водяной знак Пири. Все обычное, никаких специальных символов.

– Как думаете, куда он отправился?

– Невозможно догадаться. Кто-то мог бы подумать о суициде, на который намекало выражение «куда даже Ваш талант ищейки не способен добраться», но лично я сомневаюсь, что он решится на это. Нет, тут сказать я определенно ничего не могу. Можно, конечно, на что-то наткнуться, узнав его последний адрес. Но когда такой человек говорит тебе, что не думает, что ты сможешь его отыскать, то это заведомо тяжелая работенка. Его мнением я пренебрегать не стану.

– И что вы будете делать?

– Положу это письмо в коробочку со слепками и передам полиции. *Fiat justitia*, и дело тут совсем не в чувствах. Что же касается яблока, если полиция разрешит, я сделаю вам из него подарок. Храните его где-нибудь у себя в качестве сувенира, который постоянно будет напоминать вам о вашей чрезвычайной нехватке навыка анализа наблюдаемого, и смотрите на него всякий раз, когда испытываете прилив самоуверенности. Это приведет вас в чувство.

* * * * *

Это и есть история засохшего и практически окаменевшего огрызка яблока, который стоит у меня в кабинете посреди кремниевой утвари и рядом с парой старых добротных римских сосудов. Про мистера Сидни мне не довелось больше услышать ни слова. Полиция сделала все, что смогла, но так и не вышла на его след. Он оставил свои комнаты в том виде, в котором они находились во время его проживания там, и совершенно без всего пустился в свое хорошо спланированное путешествие, не оставив после себя ни единого намека на свои намерения.